

РАЗВЕДКА

41 ГО

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ГРУЗ С ОСОБОЙ
ПЕЧАТЬЮ

Когда патронов меньше,
чем злости

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников
Груз с особой печатью

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Груз с особой печатью / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2026 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-253961-9

Капитан Глеб Шубин получает назначение в одну из частей, действующих в восточной Словакии. Добираться предстоит на переоборудованном бомбардировщике, перевозящем почту для штаба армии. Однако из-за плохих погодных условий самолет вынужден совершить жесткую посадку в горах, не добравшись до места. Шубин и его спутники решают переждать непогоду в небольшой деревушке. Неожиданно там появляется банда фашистских недобитков, промысляющих в округе. Бандиты захватывают ценный багаж, выгруженный из самолета, и пытаются уйти горными тропами. Понимая, что допустить утрату секретной почты нельзя, Глеб организует погоню...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253961-9

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Александрович Тамоников

Груз с особой печатью

© Тамоников А.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

С задания Глеб Шубин и оставшиеся в живых разведчики его группы вернулись в часть только спустя сутки после приземления самолета, в котором они летели в Сандомир. Освобожденных польских детей и женщин сразу же отвезли для восстановления в госпиталь, и о них и их дальнейшей судьбе Глеб больше никогда ничего не слышал.

С пленными пришлось повозиться – никто, кого они спрашивали, не знал, куда конкретно надо их отвести, чтобы допросить. В конце концов, доктора-изувера и его помощницу сдали на руки сотрудникам СМЕРШ. Глеб подробно объяснил, где он и его бойцы спрятали документы, изобличающие деятельность так называемого доктора, и объяснил сотрудникам СМЕРШ, где они могут найти живых свидетелей фашистских злодеяний.

Вся эта суета с детьми и пленными продолжалась до полудня, а когда она закончилась, разведчикам хотелось только одного – добраться до своей части и хотя бы немного поспать. Все валились с ног от усталости после нескольких дней, проведенных без сна и в большом напряжении.

Попробовали искать попутку, но им сказали, что машина в нужную им сторону ушла час назад, а следующая будет только к вечеру.

– Если хотите уехать раньше, то лучше идите к выезду из города на контрольно-пропускной пункт, – посоветовал им один из офицеров снабжения. – Там можно попытаться поймать машину и уехать с пересадками.

Глеб задумался. Ехать с пересадками зимой – то еще приключение. Выкинут где-нибудь на перекрестке дорог, и будешь стоять, мерзнуть и ждать машину в нужном направлении. А когда она проедет – это еще вопрос.

– Нет, на попутках мы не поедem, – решил Шубин. Он немного подумал и предложил своим разведчикам: – Идемте поищем, где можно поесть и согреться. А там будет видно.

Глеб хорошо говорил по-польски, и поэтому они хотя и с большим трудом, но нашли квартиру, хозяйка которой за плату согласилась накормить их горячим супом и выделить угол для отдыха.

Поели, но отдохнуть у них так и не получилось. В квартиру вошел комендантский патруль, в который входили одни поляки, и потребовал у разведчиков документы. Но ни у Шубина, ни у остальных разведчиков документов не оказалось, и их отвели в комендатуру для выяснения личности и обстоятельств их пребывания в городе.

– Если вы советский разведчик, то отчего на вас немецкая форма? – допытывался у Глеба старший патрульный.

Глеб, как мог, не вдаваясь в излишние подробности, объяснил, при каких обстоятельствах ему пришлось переодеваться в немецкую форму, но его слова не убедили поляка, и тот, пока разведчиков вели по улице, все время подозрительно косился на Шубина.

– Вот чудак человек, – усмехнулся Теплицын, когда Глеб объяснил ему, что беспокоит поляка. – Были бы вы, товарищ капитан, немецким шпионом, так разве бы стали напоказ ходить в немецкой форме?

– А ты ему сам это объясни, – посоветовал радист Жданович и поинтересовался у Шубина: – Как думаете, товарищ капитан, когда все выяснится, нам отдадут наше оружие и рацию? Мне за рацию начальство голову оторвет, что не сберег. Будь мы фрицы или диверсанты какие, разве бы так просто отдали бы им наше оружие?

– Точно! – заметил Теплицын. – Чудные они, эти поляки.

– Отдадут, не переживай, – успокоил радиста Глеб. – И рацию, и оружие.

Пока поляки выясняли, что да как, пока связывались с местным советским штабом фронта, а те, в свою очередь, со штабом 3-й гвардейской танковой армии, наступил вечер. Дверь камеры, в которую посадили разведчиков, открылась, и кто-то по-русски сказал:

– Выходите, товарищи.

Извиняться перед ними никто не стал, но Глеба это совершенно не волновало. Он понимал, что время сейчас такое, когда под подозрение может попасть каждый – будь то мирный поляк или советский разведчик.

– Теперь можно и на контрольно-пропускной пункт отправиться, – потягиваясь и зевая, сказал Савельев.

В отличие от Глеба, остальные разведчики успели немного поспать, хотя в камере, куда их поместили, было довольно прохладно, и народу, кроме них, было, как селенок в банке. Для разведчиков нашлось место только у самой двери. Они присели на пол и, опершись о стену, немного подремали. Глеб же садиться не стал. Ему все равно не удалось бы уснуть или даже просто подремать – не давали покоя разные мысли, навязчиво крутившиеся в голове.

Он думал об Астафьеве и остальных разведчиках, которые погибли, прикрывая отход остальных с детьми. Его не мучили угрызения совести, что он, как командир, позволил Ренату и остальным сделать то, что они сделали, – пожертвовать собой ради спасения детей. На месте Астафьева он поступил бы точно так же.

Единственное, о чем он жалел, – что не сам пошел на смерть, а вместо него погиб его друг и боевые товарищи. Но, с другой стороны, поступить иначе он не мог. Командир не имел права рисковать собой и всей операцией, оставляя вместо себя помощника. Другое дело, если бы он, Глеб Шубин, был серьезно ранен и не смог бы провести детей и женщин через лес. Если бы не было никакой надежды на то, что он сможет выдержать путь по заснеженному лесу и был бы для всех только дополнительной обузой, то тогда он обязательно остался бы и прикрывал отход остальных вместо Астафьева. Остался и не чувствовал бы сейчас той горечи от утраты друга, которая душила его, заставляя сердце щемить и болеть.

Шубин понимал, что его, когда он вернется в часть, будут всенепременно допрашивать, выясняя обстоятельства гибели половины группы. Он понимал ту ответственность, которая лежала на нем, как на командире, когда принимал решение освободить детей. И он готов был отвечать за свои действия, готов был отстаивать свою правоту вплоть до штрафного батальона, в который его могли бы отправить за те действия, которые привели к трагедии.

«Война – это не просто боевые действия и выполнение приказов командиров, – думал Глеб. – Война – это прежде всего испытание совести и чести, испытание на человечность. Было бы бесчеловечным оставить детей на дальнейшее растерзание доктора-изувера. Я не мог поступить иначе».

Этими словами Глеб не оправдывал себя. Он понимал, что прими он другое решение, то сейчас Александров, Астафьев, Пиня, Летица и Китаев были бы живы. Но и тогда совесть бы все равно не давала Глебу покоя из-за того, что он оставил умирать детей, хотя и мог попытаться их спасти. Где-то внутри Шубина находились некие весы совести, на чашах которых в какой-то момент вдруг оказались два самых сложных для Глеба решения – освободить детей и увеличить риск гибели группы или оставить детей и всем вернуться с задания живыми. И чаша, где лежали детские судьбы, перевесила, поставив тем самым точку в судьбе самого Шубина.

Хотя, возможно, пока что не точку, а многоточие. Мало ли как все сложится дальше? Но даже этот вариант таил в себе неизвестность, от которой Глеб не ждал сейчас ничего хорошего. Впрочем, Шубин готов был к любому раскладу, потому как знал, что гибель Астафьева и остальных не была напрасной. Дети теперь в безопасности, и у них есть будущее. В отличие от того полного боли короткого существования, которое ждало их в немецкой клинике или в концентрационном лагере. И это успокаивало Глеба, делало его сильнее и настраивало на решительное отстаивание своей правоты.

Им повезло. Едва они появились на КПП при выезде из города и объяснили дежурному, что им требуется, как попутная машина, следовавшая в нужном им направлении, появилась у шлагбаума.

– Да куда же я вас посажу? – начал отнекиваться водитель, когда Шубин попросил подвезти его и товарищей. – У меня полный кузов ящиков с боеприпасами. Не положено мне людей перевозить при таком грузе. Мне за такие дела не просто выговор влепят, а под трибунал отправят за нарушение техники безопасности. Были бы вы один – другое дело. В кабине уместились бы. А в кузов никак нельзя. Снаряды там.

– Что ты заладил – снаряды, снаряды, – подступил к водителю Теплицын. – Мы тут каждый день рискуем. Снаряды и сверху, и снизу, и со всех сторон. Так что же – теперь на одном месте топтаться и ждать, когда все закончится? Этак мы и войну не выиграем.

– Давай, браток, подвези, – присоединился к другу Савенков. – Ты нас за километр до села высадишь из кузова. Дальше мы пешком пойдем. Никто и не узнает, что ты вез кого-то. А командира нашего в кабину посади. За это тебя никто ведь ругать не станет, что человека подвез.

– Имей совесть, подвези, – насели на водителя и Вальцов со Ждановичем. – Нам без разницы, на чем сидеть. На ящиках с боеприпасами, так на них. Лишь бы ехать. Наступление ведь не сегодня так завтра начнется, а мы тут застряли. Из разведки мы возвращаемся, понятно тебе?

Водитель еще немного помялся, но потом все-таки согласился.

– Ладно, лезьте в кузов. Но если что, я вас, как и договорено, высажу раньше.

– Высадишь, высадишь, – радостно согласились разведчики, забираясь в грузовик. – На все согласны, только подвези.

Шофер оказался общительным и, увидев на Глебе немецкий мундир, поинтересовался, для чего это он его нацепил?

– Так получилось. Разведчики мы, – коротко пояснил Глеб и, повернувшись к окну, стал смотреть в темноту на едва различимые силуэты деревьев, обступивших дорогу с обеих сторон.

Но шофер не отставал и все расспрашивал Глеба о том, куда ходили на задание да как очутились так далеко от своей части. Шубин отвечал неохотно, отделяясь короткими и ничего не говорящими фразами. В конце концов, водитель отстал и тоже замолчал, закулив папироску и открыв при этом окно.

– Разве можно курить? – повернулся и строго посмотрел на шофера Глеб.

– Нельзя, – честно ответил тот и, сильно затянувшись пару раз, погасил папиросу. – Но иногда так хочется, что сил нет терпеть. Да и уснуть за рулем боюсь. Когда сильно устаю, приходится пару затяжек делать, чтобы взбодриться. Вторые сутки без сна мотаюсь, – пояснил он. – Ты разведчик и должен понимать, что значит не спать.

– Понимаю, – кивнул Шубин. – Сам трое суток толком не спал, – вздохнул он.

– Так ты поспи чуток, пока едем, – добродушно заметил водитель. – А как подъезжать станем, я разбужу.

Глеб в знак благодарности кивнул, устроился удобней, прислонился головой к стеклу и добросовестно попробовал вздремнуть. Но едва он закрыл глаза, как перед его мысленным образом возникли все, кто остался их прикрывать и погиб. Сначала – Астафьев, а за ним и остальные ребята. Все вставали перед ним как живые. Они что-то говорили ему – кто с улыбкой и смехом, кто-то серьезно и даже сердито. Но что именно – Глеб никак не мог разобрать. Он видел только, как шевелятся губы, но не слышал слов. Да ему и не нужны были слова, чтобы понять – они просто пришли попрощаться с ним. Там, где они погибли, – не успели, а вот теперь – пришли.

И Глеб мысленно говорил с ними, тоже прощался. А когда сказал им все, что накопилось у него на сердце, видения исчезли. Ушли. И Шубин понял, что больше они не вернутся к нему.

По крайней мере во снах. В воспоминаниях-то, конечно, они всегда будут оставаться для него живыми. Такими, какими он их помнил и знал. И Глеб, облегченно вздохнув, все же погрузился в глубокий сон...

– Товарищ офицер, товарищ офицер...

Кто-то толкал Шубина и звал его. Но он никак не мог открыть глаза и посмотреть, кто это был. Потом все-таки открыл и удивился, не совсем понимая, где он находится. Но звук незатихающего двигателя и лобовое стекло перед ним напомнили – он в попутной машине и возвращается в часть из Сандомира.

– Крепко же вы уснули, – заметил водитель, когда Шубин посмотрел на него еще сонным, но уже вполне осмысленным взглядом. – Просыпайтесь. Подъезжаем уже. Километров семь до Бильчи осталось.

Шубин выпрямился и потянулся, расправляя плечи и восстанавливая, насколько это было можно сделать в тесной кабине грузовика, затекшие за время крепкого сна мышцы. В кабине стоял терпкий запах махорки. Значит, водитель опять затягивался, приводя себя в чувство, чтобы не заснуть. Глеб спросил:

– Ты в саму Бильчу путь держишь или дальше поедешь?

– В Бильчу, – ответил шофер. – У меня в кузове подарки артиллеристам. Вы не слышали, когда наступление начнется? – поинтересовался он.

– Когда точно, пока никто не знает, – ответил Глеб. – Но, по слухам – совсем скоро. Один-два дня, и начнем... Ты нас где высадишь?

– А вот до поворота на село доберемся, и высажу. Так вы бы, товарищ офицер, сидели в кабине. Вас до самой Бильчи довезу. В кабине-то можно пассажира везти.

– Да нет, я лучше со своими пешком, – отказался Глеб. – Тем более что нам в саму Бильчу и не надо вовсе. Наша часть левее села стоит. Ничего, пешком дойдем. Спасибо, что подвез.

– Да не за что, – смутился водитель. – Я бы рад вас хоть до самой вашей части довезти, да не положено. Боеприпасы у меня...

Глеб не ответил, застегнул шинель и приготовился выходить на мороз. В кабине было тепло, и выходить не очень-то хотелось. Но надо было – никуда не денешься.

На повороте к Бильче грузовик остановился. Разведчики вышли. Поблагодарили и распрощались с шофером.

– Ну, теперь последний марш-бросок, и мы дома, – заметил Вальцов. – Хоть поедим нормально.

– А что, польская похлебка тебе не понравилась? – поинтересовался Жданович.

– Это ты, Митя, все подряд мелешь, как не в себя, – добродушно отозвался Вальцов. – А у меня желудок к такой еде иностранной не привык. Острая уж слишком у этих поляков похлебка. Да и когда мы ели в последний раз? Правильно – в обед. В камере нас никто не кормил, а теперь уже завтракать пора, а мы еще не ужинали.

– Ничего, до дому дотерпишь, – усмехнулся Савельев, дружески похлопав Вальцова по спине. – Бери пример со Ждановича. Он хотя и детдомовский и желудком больной, но о еде даже не вспоминает.

– Вспоминаю, – со вздохом ответил радист. – Только вот вслух свои мысли не высказываю.

– Вот и правильно, – одобрительно проворчал Теплицын. – Дома и еда вкуснее кажется. Что бы нам ни дали, а все лучше, чем польское хлебово... А вы, товарищ капитан, как думаете?

– Никак не думаю, – устало ответил Глеб. – Я и есть-то не хочу. Высплюсь, а там видно будет.

Разговаривать ему не хотелось, и разведчики, почувствовав настроение Шубина, больше ни о чем его не спрашивали. Шли, тихо переговариваясь между собой. Но вскоре и они при-

тихли и последние несколько километров до своих окопов шагали молча, думая каждый о своем. И только один раз Жданович, вздохнув, сказал:

– Как вы хотите, а мне наших ребят, что остались там, возле Гожакева, не хватает.

Все молча с ним согласились, но вслух высказываться никто не стал. Да и не нужны были тут никакие слова. И так всем все было понятно – без всяких слов. Терять друзей всегда тяжело, а на войне – вдвойне тяжело. Потому как на войне всегда живешь с осознанием, что следующим можешь быть уже ты.

Глава вторая

Глеб тихо вошел в свою землянку, думая, что Анатолий Зубов спит. Не хотел будить товарища. Но оказалось, что Зубов не спал, а сидел у буржуйки и что-то писал (видимо, письмо своей пани Марте) при свете блиндажного фонаря.

– Глеб! – обрадованно воскликнул он, увидев Шубина. – Вернулись наконец-то! Я вас еще вчера ждал. А где...

Анатолий осекся, рассмотрев в полутьме усталое и слишком уж серьезное выражение лица друга. По молчаливому взгляду Шубина понял – Астафьева с ним нет.

– Ренат ранен? – В голосе Зубова прозвучала надежда, хотя он уже осознавал, что, скорее всего, случилось непоправимое, но все еще надеялся, что ошибся и Астафьев жив и только ранен и отправлен в госпиталь. Потому Шубин и задержался.

Глеб покачал головой.

– Нет, – коротко ответил он и, пройдя мимо Зубова, сел на лежак.

В землянке наступила тишина. Шубин молчал, он не мог сейчас ни о чем рассказывать. Было тяжело на душе, и горечь подступала к горлу при одной только мысли, что он должен был произнести вслух то, о чем и думать-то не хотелось. Молчал и Зубов. Он понимал состояние Глеба и не лез с расспросами. Ждал, когда тот сам все ему расскажет. Немного погодя Глеб все-таки сказал:

– Он вместе с Александровым, Пиней, Китаевым и Летицей прикрывали наш отход. Так получилось. Отход прикрыли, а сами... Я сейчас не могу всего рассказать. Устал. Давай утром?

Шубин провел по лицу ладонями и, как был одетый, повалился на лежак. Лег на бок, поджав ноги под себя. Так и уснул в позе младенца, оставив Зубова сидеть у печки и гадать, что произошло и как погиб их друг.

Спал Шубин глубоким беспробудным сном всю ночь и все утро. Спал бы еще весь день, да не дали.

– Глеб... Капитан... Шубин... – услышал он сквозь сон.

Он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо, и открыл глаза. Рядом с ним на досках лежака сидел майор Першин из СМЕРШ и тряс его. Около майора стоял Зубов, держал в руках кружку и смотрел на Глеба таким извиняющимся взглядом, что Глеб отчего-то почувствовал себя неловко перед ним. Сел. Провел ладонью по глазам, по лицу, смахивая остатки липких и навязчивых сновидений.

– Проснулся?

Вопрос задал Першин. Он посмотрел на Зубова и кивнул ему. Анатолий протянул Глебу кружку.

– Выпей, – коротко сказал он, ничего больше не поясняя.

Шубин осторожно взял кружку из рук Зубова, думая, что в ней горячий чай. Но кружка, к его удивлению, оказалась холодной. Он поднес ее ко рту. Теперь, когда кружка была совсем рядом с его носом, он почувствовал запах спирта и удивленно посмотрел сначала на Зубова, а потом и на майора.

– Пей, пей, – покивал Першин. – Тебе сейчас надо.

– Да я и так уже проснулся, – не очень уверенный в своем утверждении, ответил Глеб и отодвинул кружку подальше от носа. – Мне бы лучше чаю горячего.

– Сначала это выпей, а потом и чаю тебе нальем. А вернее, кипяточку с сахаром. Чай, как я понял, у Толика закончился. Так? – посмотрел Першин на Зубова.

– Угу, – подтвердил Анатолий.

Глеб снова поднес кружку ко рту, поморщился, но потом все-таки выпил ее содержимое одним большим глотком. Закашлялся. Горло и желудок обожгло огнем. Слезы брызнули из глаз. Глеб вытер их рукавом.

– Черт, – выругался он. – Зачем пить спирт? По какому такому поводу?

– Затем, что тебе это сейчас надо, – снова повторил Першин. Он помолчал, как показалось Глебу, сочувственно глядя на него, а потом продолжил: – Я приехал, чтобы отвезти тебя обратно в Сандомир. Будешь спрашивать зачем?

– Не буду, – буркнул Шубин, опустив голову.

– Тогда я вместо него спрошу, – заявил Зубов. – Может, кто-нибудь из вас объяснит мне, что случилось?

– Беда, Толик, случилась, беда, – вздохнул Першин. – Подробности я не имею права тебе рассказывать. Но так как ты друг Глеба, то скажу, что капитану вменяют в вину гибель половины группы и превышение командирских полномочий, а также нарушение устава.

– Фью, – присвистнул Зубов. – Что-то я не верю во все эти бредни. Не мог Глеб...

– Мог, – прервал его Шубин. – Я действительно виноват в гибели ребят. Если бы не мои действия и не принятое мной, как командиром, решение, то вероятность того, что случилось, была бы сведена к минимуму... Может быть, все остались бы живы...

– А может, и не остались, – прервал его Першин. Он положил руку на плечо Глеба и добавил: – Как бы там ни было, а я поступил бы на твоём месте точно так же. Но моего мнения в этом случае никто не спрашивает. А зря.

Помолчали. Зубов забрал из рук Глеба кружку и налил в нее кипяток, кинув в него пару кусков сахара. Размешал и подал кружку обратно, прибавив к ней изрядный кусок хлеба.

– Поешь, – сказал он Глебу. – Я бы тебе горячего принес с кухни, да, наверное, не успею уже...

– Успеешь, иди, – кивнул Першин. – А мы пока поговорим.

Анатолий, позвякав котелками, ушел.

– О чем говорить, когда и так все ясно, – заметил Глеб, вставая с лежака. – Мне бы переодеться. А то хожу как пленный фриц. Сил не было вчера даже снять с себя эти тряпки, – говорил он, снимая с себя шинель и немецкое обмундирование.

– У тебя хоть есть во что переодеться? – поинтересовался Першин.

– Полушубок пришлось оставить в санях у поляков, – ответил Шубин. – Ничего, у меня тут еще шинель есть. На время сойдет. Не знаю только, много ли у меня осталось этого времени, – усмехнулся он и, махнув рукой, добавил: – Да теперь уже все равно.

– Что за поляки? – поинтересовался Першин. – Может, расскажешь, как у вас там все получилось? Я всех подробностей не знаю.

– Их пока никто не знает, кроме меня и тех, кто со мной вернулся, – снова усмехнулся Глеб. – Что ж, слушайте подробности...

Он рассказал майору все, как есть, не утаив ни одного слова или эпизода, а в конце добавил:

– Не мог я иначе поступить. Поэтому если решат, что виновен, то понесу наказание спокойно, оспаривать не буду.

– Да, дела, – покачал головой Першин. – Теперь, после того, что я услышал, тем более скажу, что на твоём месте я поступил бы так же.

– Андрей Михайлович, а почему вас послали за мной? Почему капитан Розанов из особого отдела или его помощник за мной не пришли?

– Хм, – усмехнулся Першин. – Видел бы ты, как Розанов чуть ли не радостно и вприпрыжку хотел с самого утра к вам в землянку бежать. Разве что не светился весь от счастья, когда пришел приказ доставить тебя в штаб армии. Но наш комбриг Захар Карпович его пыл малость остудил. Сказал, что сначала сам все проверит и узнает, а потом уже позволит тебя

арестовывать. Ну и позвонил полковнику Кашину. А тот велел тебя не в армейский штаб, а в штаб фронта везти, в Сандомир. Мол, там и поговорят с тобой.

– Странно, зачем меня аж в Сандомир везти, если можно все вопросы решить и на уровне армии, то есть прямо тут, на месте?

– Открою тебе секрет, – подмигнул Шубину Першин. – Сам Рыбалко узнал о твоей истории. И кое с кем переговорил. Но ты очень-то не радуйся пока. Вполне может быть, что в главном штабе будет принято решение не в твою пользу. В общем, я сам предложил Слюсаренко отвезти тебя в Сандомир и там дожидаться решения о твоей дальнейшей судьбе. Если что, буду просить за тебя от имени нашего комбрига. Эх, и времени-то на все про все у нас практически нет! Наступление назначено на послезавтра, на двенадцатое число. Так-то!

Першин замолчал, так как в землянку вернулся Зубов и принес для всех троих еду в котелках.

– Садитесь и вы с нами, товарищ майор, – пригласил он Першина.

Тот не отказался. Ели молча, неторопливо. Наконец Толик, не вытерпев долгого молчания, спросил:

– Товарищ майор, вы хотя бы мне скажите, Глеб вернется обратно в часть?

Першин и Шубин переглянулись.

– Ты что, подслушивал под дверью? – спросил Першин Зубова.

Тот смутился и ответил:

– Только в самом конце, когда уже вернулся с кухни, малость за дверью постоял. Ну, и кое-что расслышал. Но, конечно, не все. А потому остались вопросы.

– Понятно, – усмехнулся майор. – Можно было предположить, зная твой характер.

– Да я что? Я же никому ничего не скажу, – заверил его Зубов.

Першин укоризненно покачал головой:

– Вот и молчи. А насчет твоего вопроса так тебе скажу. Все будет зависеть не от меня, не от Глеба и даже не от нашего комбрига и даже не от самого командующего нашей 3-й гвардейской танковой армии. Был бы я верующий, так сказал бы, что от Господа Бога, а так... Не знаю. Вот и весь мой ответ.

– Когда поедет и какие вещи с собой брать? – спросил Шубин майора.

– Бери все, что есть, – уверенно ответил Першин. – Кто знает, что потребуется?

– Понял... Толик. – Шубин посмотрел на Зубова. – Напиши матери Рената. Я ему обещал. Самому написать, видишь, не получается. Напиши, что пал смертью храбрых и... В общем, сам знаешь, что написать... Обещаешь?

– Напишу, как надо, не переживай, – заверил Зубов. – Скажи только, где он погиб. Где то место? Чтобы знали...

– Напиши, что в Польше, неподалеку от Хмельников. Точнее сказать пока никак нельзя, – вместо Шубина ответил Анатолию Першин. – А я, когда вся эта буза успокоится, поговорю со Слюсаренко о представлении Рената и остальных ребят к наградам. Потому как погибли они как настоящие герои.

– К Красному Знамени посмертно. Не меньше, – предложил Зубов.

Першин не стал ничего обещать, и дальше разговор не заклеился. Глеб собирался молча, стараясь не забыть ничего из вещей. Першин был прав – мало ли как обернется дело. Шубину, конечно же, было жаль уезжать сейчас, накануне наступления. Он так надеялся сражаться рядом с теми, к кому успел привязаться за это время. Но судьба снова отправляла его в неизвестность. И в этот раз гарантии того, что он вообще вернется в строй и продолжит воевать, она, эта судьба, ему не давала. Впрочем, оставался еще вариант со штрафным батальоном, и этот вариант был для Глеба наиболее подходящим. Все лучше, чем быть отправленным в тыловой лагерь или быть расстрелянным за воинское преступление...

Какое именно это может быть преступление, Шубин не знал, да и знать не хотел. Какая разница, если после этого он не сможет принести никакой пользы ни своему народу, ни Родине?

Пока добирались до Сандомира на машине Першина, которую он вел по старой своей привычке сам, Глеб все больше молчал, размышляя, что он может сказать в свое оправдание, когда его будут допрашивать, и стоит ли вообще в чем-то оправдываться. Смысла в оправданиях он не видел, а говорить с особистами о совести и о долге перед простыми людьми было бесполезным занятием.

Особый отдел всегда руководствовался только буквой закона и воинского устава, а на чувства Шубина, да и остальных разведчиков, которые вместе с ним тогда принимали решение, им было наплевать. Ренат и все, кто был с ним, погибли, и встать на защиту Глеба и сказать, что они добровольно пошли на смерть, было некому. Значит, Глебу и отвечать единолично.

– Не думай о плохом, – словно бы читая его мысли, сказал Першин, нарушив молчание. – Не так уж все и плохо, как тебе кажется. Война на то и война, чтобы принимать единственно правильные на тот или иной момент решения. Думаешь, что ты один такой командир, который пошел на поводу своей совести, а не устава? Если ты так думаешь, то глубоко ошибаешься. Таких случаев, как у тебя, по всему фронту не один и не два. Каждый день бывают такие случаи. Всего в устав не запишешь.

Першин оторвал взгляд от дороги и посмотрел на Глеба. Тот молчал, глядя перед собой.

– Все обойдется, вот увидишь, – повторил майор.

Глеб понял смершевца по-своему и ответил:

– Не надо меня успокаивать, Андрей Михайлович. Я спокоен и приму все, что меня ждет, со спокойной совестью. Я и Ренат поступили так, как и должны были поступить в той ситуации. А если бы все было по-другому, то тогда... Тогда совесть у меня была не такой спокойной, как спокойна она сейчас. Вот и весь сказ.

В Сандомире поехали сначала в главный штаб фронта, но их оттуда перенаправили в здание, где временно размещался штаб Особого отдела.

– Не нравится мне все это, – проворчал Першин. – Спокойней было бы, если бы в штабе твое дело разбирала дисциплинарная комиссия. А если его сразу отдали в ОсО... Не нравится мне это, – повторил он.

Но Першин напрасно волновался. В здании их провели по коридору и, оставив возле одного из кабинетов, попросили подождать. Примерно через полчаса к кабинету подошел гвардии полковник Кашин – начальник разведки 3-й танковой армии. Поздоровавшись за руку с Першиным, он искоса глянул на Шубина, ничего ему не сказал и прошел в кабинет.

– Хороший знак, – заметил майор. – Если на разборе вопроса будет присутствовать Кашин, который лично курировал выполнение вашего последнего задания, то будем надеяться на хороший исход дела.

– Почему вы так думаете? – хмуро посмотрел на него Глеб. Он вспомнил, как ругал его Кашин, когда Шубин докладывал ему по рации о том, что им нужен самолет.

– Я гвардии полковника знаю с самого начала войны, – наклонившись к Глебу, негромко начал говорить Першин. – И знаю, что он как командир – строгий, а как человек – справедливый. Никогда не даст в обиду даже простого бойца, если будет уверен в его невиновности. Знаю несколько случаев, когда после вмешательства Кашина человека, приведенного в Особый отдел и находившегося под подозрением, отпускали без всяких последствий.

Глеб промолчал, но про себя подумал, что если так и есть, то, возможно, и у него есть шанс выйти из этого кабинета свободным и вернуться обратно в часть.

Мимо них в кабинет прошли еще три человека в военной форме. Один из них – широкоплечий, статный и высокий мужчина с густой, черной, уже седеющей шевелюрой и капитанскими погонами – остановился и, кивнув на Шубина, спросил у Першина:

– Это и есть тот самый капитан Шубин?

– Он, – кивнул майор.

Капитан внимательно, с ног до головы осмотрел Глеба и ушел в кабинет вслед за остальными.

– Капитан Шубин, входите, – выглянув из дверей, пригласил молодой лейтенант. – А вам, товарищ майор, велено подождать, – посмотрел он на Першина.

– Да я и не собирался заходить, – проворчал майор и, похлопав Глеба по спине, произнес таким бодрым тоном, словно отправлял Глеба на сдачу экзамена, а не на дисциплинарную комиссию: – Давай, Глеб, покажи им всем...

Шубин выпрямился и, сделав глубокий вдох, шагнул в кабинет.

В помещении сидели четверо. Кроме Кашина, Глеб не знал больше никого. Но и хмурое, не обещающее ничего хорошего выражение лица гвардии полковника делало и его чужим и неприступным.

– Представьтесь комиссии, – попросил полковник Кашин Глеба.

Шубин назвал себя, год и место рождения, воинское звание и номер части, к которой он сейчас был прикреплен. Капитан, который интересовался Глебом у Першина и который назвался капитаном Великановым, представил всех, кто сидел рядом с ним за столом, и сказал:

– Капитан Шубин, расскажите нам, с каким заданием вы были отправлены в тыл, и все подробности его выполнения.

Глеб четко, как было положено по уставу, рассказал, что его вместе с группой разведчиков в составе девяти человек послали в район города Хмельник, чтобы обнаружить скрытый немецкий объект. На вопрос, что это был за объект, Шубин ответил, что, по данным разведки, немцы в районе Хмельников прятали бронетанковый корпус, который должен был во время наступления советских войск ударить нашим частям в тыл и сломить ход наступления.

– Вы обнаружили местонахождение этого секретного объекта? – задал вопрос Кашин.

Глеб с некоторым недоумением посмотрел на гвардии полковника.

– Так точно, мы нашли этот объект и сообщили по рации его координаты, – ответил он.

– Кто сообщал координаты? Вы сами? – чуть склонив голову набок, снова спросил Кашин.

– Нет, не я. Координаты местоположения секретного объекта и прочую информацию было поручено сообщить моему заместителю – лейтенанту Астафьеву. Это он в первый раз разговаривал со штабом армии.

– В первый раз? – переспросил капитан Великанов и вопросительно посмотрел на Кашина.

– Да, группа два раза выходила на связь, – ответил на его взгляд полковник. И, снова посмотрев на Шубина, продолжил: – Капитан, в своих объяснениях по поводу данного вашей группе задания вы сказали, что вам было приказано выходить на связь со штабом только в самом крайнем случае. То есть тогда, когда вашей группе угрожало уничтожение или окружение. Вы, а вернее, ваш заместитель вышли на связь именно при таких обстоятельствах? Ваша группа находилась в окружении, и ей грозило уничтожение?

Глеб помолчал пару секунд, потом ответил:

– Нет. На тот момент наша группа не находилась в окружении, и ей не грозило уничтожение.

– Так почему же вы решили нарушить приказ и выйти на связь со штабом? – поинтересовался капитан Великанов.

Глеб прямо и ничуть не смущаясь посмотрел на этого уже почти седого, хотя и довольно еще молодого капитана. Так как остальные присутствующие (кроме полковника Кашина) сидели и только слушали, не задавая вопросов, Шубин сделал вывод, что именно Великанову было поручено разбирательство его дела.

– Особые обстоятельства заставили меня, как командира, нарушить приказ, – четко произнес Глеб.

– Расскажите комиссии подробней об этих обстоятельствах, – попросил Кашин.

И Глеб рассказал. Он рассказал и о грузовиках, которые они увидели ночью на дороге, ведущей к Хмельнику, о своей вылазке на окраину города, о возвращении к группе, которая в это время пряталась в заброшенном храме. Рассказал и о том, что увидел во время разведки, – о детях, которых фашисты собирались вывозить из города, и о том, в каком состоянии находилась та девочка, которую он увидел, заглянув через забор. А потом поведал комиссии и о том решении, которое он принял.

– Вы самостоятельно принимали решение? – прервал Шубина Великанов. – То есть вы, как командир, поставили своих бойцов, которые зависели от ваших приказов, перед фактом?

– Не совсем так, – покачал головой Глеб. – После того, как я рассказал всем о том, что видел, я сказал, что остаюсь и попытаюсь что-то предпринять, чтобы освободить детей. Но так как я один не смогу этого сделать, то предложил остаться со мной добровольцам. Остались все. Я никого не принуждал.

– Но разве ваши слова и предложение остаться кому-то добровольно не считаются принуждением? – с ехидством в голосе поинтересовался один из до сих пор молчавших особистов по фамилии Степанов. – Вы, как командир, можно сказать, поставили всю свою группу перед фактом. О чем вы тогда думали, когда предлагали остаться добровольцам и помочь вам?

– Я думал о детях, – честно ответил Глеб. – Я думал, что если их сейчас увезут, то наверняка убьют. Убьют или сразу – в газовой камере, или не сразу, а постепенно, продолжая брать у них кровь для немецкого госпиталя. Разница, в общем, небольшая. Но дети погибнут – тут уж никаких сомнений. Я никого не принуждал оставаться со мной. Более того, как только вся группа высказалась за то, чтобы остаться, я предложил разделиться. Хотел, чтобы большая часть группы ушла. Но...

– Но все отказались от вашего предложения, – недоверчиво усмехнувшись, перебил Глеба Степанов и посмотрел при этом на Великанова.

– Да, отказались, – уверенно ответил Шубин. – Мои слова могут подтвердить бойцы, которые вернулись со мной...

– Мы спросим и у них, – прервал говорившего Великанов и добавил: – В свое время.

При этих словах он посмотрел на полковника Кашина, и тот кивнул ему с таким выражением лица, словно он уже знал что-то такое, чего не могли знать остальные. В сознание Шубина закралось подозрение, что гвардии полковник уже беседовал с кем-то из разведчиков его группы и уже знал, говорит ли Глеб правду или обманывает.

«Если это так, – подумал Глеб, – и Савельев или кто-то другой, а может быть, и все ребята рассказали Кашину, как было дело, то, возможно, у меня есть шанс выйти из этого кабинета не под конвоем».

– Так почему же вы тогда, как командир, не приказали уйти большинству и не оставили с собой, ну, хотя бы трех добровольцев? – поинтересовался Великанов.

Глеб молчал. Он понимал, что этот вопрос был задан не просто так и ответ на него должен был многое решить. Скажи сейчас Шубин, что никто его не послушал, в глазах комиссии он выглядел бы так, словно оправдывал себя. Скажи он, что не стал настаивать и позволил всем остаться – получится, что намеренно рисковал группой, а значит, виновен в гибели своего заместителя и остальных.

– Я не стал настаивать и позволил остаться всем, – наконец честно ответил он. – Я понимал, что если группа разделится, то риск погибнуть и не выполнить задачу, поставленную перед нами командованием, увеличится. Я с тремя бойцами не смог бы освободить детей. Убив нас, немцы сразу бы поняли, что неподалеку должна быть еще одна группа. Догадаться об этом

просто. Немцы сделали бы все, чтобы окружить район и уничтожить вторую часть группы. У группы не было бы шансов вырваться из кольца и уйти.

– Почему вы так решили? – удивленно посмотрел на Шубина Великанов.

– Тут все просто. Перед тем, как идти в Хмельники, мы, находясь вблизи секретного объекта немцев, захватили двух языков. Двух охранников, которые охраняли секретный объект. Мы хотели узнать у них все подробности и понять, действительно ли мы нашли то, что искали, или эти охранники охраняли что-то другое. Например, обычный склад с боеприпасами.

– И что? – непонимающе посмотрел на Кашина капитан Великанов.

– Обычное дело – взять языка, – пожал тот плечами.

– Обосновывайте дальше, капитан, – разрешил Великанов Глебу.

– Охранников хватились во время пересмены, и немцы стали обшаривать район в поисках диверсионной группы...

– Почему сразу диверсионной группы? – опять усмехнулся Степанов. – Они могли бы подумать на партизан. Там наверняка есть поблизости партизаны.

– Может, и есть, – пожал плечами Глеб. – Но партизаны не стали бы брать в плен хорошо подготовленных охранников. Партизаны в Польше действуют по-иному, чем русские, принципу. Да, у них планируются и осуществляются акции. Но направлены они в основном на уничтожение железнодорожных узлов, подрыв поездов, вышек связи, нападений на полицию, карателей и тому подобное...

– Капитан знает, что говорит, – посмотрел на Великанова гвардии полковник Кашин.

– Ну хорошо. И дальше что? – поинтересовался капитан у Глеба.

– А дальше, – продолжил объяснять Шубин, – чтобы не попасть в ловушку и не быть отрезанными от пути отступления, нам пришлось отойти к Хмельникам. То есть немцы уже были в курсе, что где-то на этой территории работает разведгруппа, и, разумеется, были на чеку. Освобождение детей точно бы связали с нами, а не с партизанами. А если бы мы разделились, то возникал риск, что обе группы не смогут выполнить задуманное. Одна бы – не смогла освободить детей ввиду своей малочисленности, а другая – не смогла бы выйти из оцепленного района, если бы шла пешком. А так у нас у всех был шанс прорваться на двух грузовиках и успеть уехать с детьми как можно ближе к нашим позициям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.